

Дмитрий Михайлович Федяев

Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии, Омск, Россия
e-mail: fedyayev@omgpu.ru

Наталья Дмитриевна Федяева

Омский государственный педагогический университет, доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и лингводидактики, Омск, Россия
e-mail: ndfed@yandex.ru

Четвертое правило Рене Декарта: попытка прояснения смысла

Аннотация. В теории и практике мы не раз встречаемся с идеями, которые почему-то считаются безусловно истинными, подобно аксиомам школьной геометрии. Со временем они нередко опровергаются или забываются, но на их место приходят другие, в том же качестве. В связи с этим представляет интерес теория познания, основанная на аксиоматике, создателем которой является Р. Декарт. В статье показана широта воззрений Р. Декарта, в частности наличие эмпирического компонента в его рационалистической версии познания. Сделана попытка сопоставления версий познания Р. Декарта и Ф. Бэкона, выявления возможности их синтеза.

Ключевые слова: рационализм, эмпиризм, ясность и внимательность, аксиомы, обзоры и перечни.

Dmitry M. Fedyayev

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: fedyayev@omgpu.ru

Natalya D. Fedyayeva

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Russian Language and Linguistics, Omsk, Russia
e-mail: ndfed@yandex.ru

Rene Descartes' Fourth Rule: An Attempt to Clarify the Meaning

Abstract. In theory and practice, we repeatedly come across ideas that for some reason are considered unconditionally true, like the axioms of school geometry. Over time, they are often refuted or forgotten, but others come in their place, in the same capacity. In this regard, the theory of knowledge based on axiomatics, the creator of which is R. Descartes, is of interest. The article shows the breadth of Descartes' views, in particular the presence of an empirical component in his rationalistic version of cognition. An attempt is made to compare the versions of knowledge of R. Descartes and F. Bacon, revealing the possibility of their synthesis.

Keywords: rationalism, empiricism, clarity and attentiveness, axioms, reviews and lists.

Введение (Introduction)

Еще в школе большинство наших современников встречается с идеями Рене Декарта: с осями координат в курсе математики, с законом сохранения количества движения, законами отражения и преломления света в физике, идеей рефлекса в зоологии. В теории познания Декарт продолжает линию Платона. Согласно последнему, душа человека, прежде чем оказаться в теле, пребывала в прекрасном мире идей. Оказавшись в мире вещей, душа забывает идеи, но у нее есть шанс вспомнить. Познание есть вспоминание того, что в душе уже имеется в смутной, неразвернутой фор-

ме. Альтернативная версия, как известно, была выдвинута Демокритом, согласно которому основой познания являются «истечения» объектов.

Как известно, Р. Декарт в построении рационалистической концепции познания принял за основу геометрическую модель. Читаем: «Те длинные цепи выводов, сплошь простых и легких, которыми геометры обычно пользуются, чтобы дойти до своих наиболее трудных доказательств, дали мне возможность представить себе, что и все вещи, которые могут стать для людей предметом знания, находятся между собой в такой же последовательности» [1, с. 261].

Логику познания Декарт фиксирует в четырех правилах. «Первое — никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, т. е. тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению» [1, с. 260]. Геометрический подход к проблеме очевиден: познающий субъект должен для начала найти аксиому.

«Второе — делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить» [1, с. 260]. Здесь геометрия и обычный здравый смысл идут вместе. Если, например, мы определяем площадь сложной фигуры, ее следует разделить на несколько простых, для которых правила определения площадей имеются. Согласно здравому смыслу, труднодостижимую цель следует представить в виде нескольких относительно простых задач. Студенты обычно постигают эту последовательность уже на стадии написания первой курсовой работы.

«Третье — располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легкопознаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу» [1, с. 260]. Правило представляет всю последовательность изложения и, соответственно, изучения школьного курса геометрии. От аксиом переходим к первым простейшим теоремам, вроде признаков равенства треугольников, затем к более сложным и изощренным теоремам, потом движемся от планиметрической плоскости к объемам стереометрии или же постигаем синусы и косинусы и далее движемся в зависимости от характера разрешаемых вопросов.

«И последнее — делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено» [1, с. 260]. Очевидно, что финальное правило оказывается вне руслу геометрии, которой не присущи обзоры и перечни. В дополнение к нему имеется еще и сноски, не добавляющая ясности: «В лат. пер. добавлено: как отыскивая центр вещей, так и просматривая затруднения во всех вещах» [1, с. 632].

Кажущаяся странность появления четвертого правила предопределила нашу попытку прояснить его смысл.

Методы (Methods)

Тема требует, во-первых, осмысления гносеологических идей нескольких известных авторов в их сопоставлении, как если бы они вели диалог друг с другом, в ходе которого имели возможность не только критиковать, но и дополнять друг друга, задавать вопросы и комментировать концепции оппонентов. Во-вторых, попытка вживания в идеи Р. Декарта требует их рассмотрения не только в чистой академической форме, но и на том культурно-историческом фоне, на котором они впервые появились.

Литературный обзор (Literature Review)

Основными источниками являются «Рассуждение о методе» и «Правила для руководства ума» Р. Декарта.

Поскольку в основе концепции Декарта присутствуют понятия «ясного и внимательного ума», необходимы работы Г. Гегеля и Ф. Энгельса, в которых рассматривается эволюция мышления, причем так, как если бы второй из них прямо продолжал первого. Поскольку рационалистической линии противостоит эмпирическая, не обойтись без «Нового органа» Ф. Бэкона. Философские исследования Р. Декарта переплетаются с естественно-научными. Понять их специфику помогают работы А.-М. Ампера, Г. Гегеля, А. Койре, а прикоснуться к культурному фону — произведения художественной литературы, заслуживающие доверия в историческом аспекте.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Декарт, включая познание в жизнь, вывел из геометрического метода познания правила морали, одно из которых непреложно вытекает из первых трех правил — безусловно геометричных. «Моим... правилом было оставаться настолько твердым и решительным в своих действиях, насколько это было в моих силах, и с не меньшим постоянством следовать даже самым сомнительным мнениям, если я принял их за вполне правильные» [1, с. 264]. Объясняя его, Декарт уподобляет себя путникам, заблудившимся в лесу. Мол, если не кружить, а идти в принятом направлении, куда-нибудь выйдешь. И всё же имеется четвертое правило познания, более подходящее эмпиризму, нежели рационализму. Мы не будем пытаться воспроизвести мысль Декарта, догадаться, «что он хотел сказать». Мы попытаемся только предположить, как дух культуры его времени способствовал отходу от слишком жесткой геометрической логики.

Вспомним, что Рене Декарт — знатный человек, рыцарь по происхождению и воспитанию. Известный рыцарский девиз гласил: делай, что должен, и пусть будет, что будет. В переводе на познание в версии Декарта он означает: определи исходную аксиому и иди от нее по ступеням дедукции, не нарушая безупречной логики. Результат будет, не исключено что и неожиданный. Но иной раз в ситуации, сложившейся в живой жизни, встает трудный вопрос: а что именно ты, рыцарь, должен сделать в сложившейся жизненной, а не познавательной ситуации? Что должно принять за аксиому?

В аристократическом кругу был выработан набор непреложных правил, как именно следует поступать в той или иной ситуации. В совокупности правила составляли кодекс чести. Правила создавались на основе синтеза принципов и опыта, но правила всегда обобщают, а следовательно, не могут соответствовать всем возможным проблемным ситуациям. Вполне правдоподобные примеры встречаются в художественной литературе. Алексей Вронский, герой «Анны Карениной», узнает, что Анна рассказала мужу о своей измене. Он ждет вызова на дуэль от оскорбленного мужа. Вронский готов был поступить, как полагалось по кодексу чести: аккуратно промахнуться, после чего предоставить противнику возможность выстрелить, как тому заблагорассудится. Если бы дуэль прошла по такому «правильному» сценарию, возможным стало бы многое — и развод, и примирение, и даже сохранение прежних отношений при усло-

вии большей осторожности, но... Каренин не присылает вызова, а Вронский так и остается виноватым без шансов смыть вину [2]. Иной раз случаются ситуации, применительно к которым два правила противоречат одно другому, а выбор оказывается нелегким. Например, оскорбление, полученное доблестным рыцарем, согласно непреложному правилу, может быть «смыто» в поединке с оскорбителем. Другое же правило допускает поединки только с равными противниками, а в описанной одним из наших авторов ситуации оскорбитель никак не равен оскорбленному: молод, глуп, не посвящен в рыцари [3]. В неоднозначных ситуациях выбор нередко осуществляется на основе прецедентов: некто в похожей ситуации поступил так-то, и его решение получило одобрение общества. «Жизнь рыцаря есть подражание» [4, с. 74].

Другое моральное правило требует «...повиноваться законам и обычаям моей страны, неотступно придерживаясь религии, в которой, по милости божией, я был воспитан с детства, и руководствуясь во всем остальном наиболее умеренными и чуждыми крайностей мнениями, сообщая выработанными самыми благоразумными людьми, в кругу которых мне предстояло жить» [1, с. 263].

Декарт, католик, получивший образование в иезуитском колледже, жил в Голландии, где в то время преобладал протестантизм в сочетании с веротерпимостью, невозможной в любой другой европейской стране. Оставаясь католиком, он не мог отрицать достижений, достигнутых голландцами во многих областях общественной и частной жизни, например в торговле, строительстве, создании бытового комфорта, военном искусстве, кораблестроении и мореплавании, живописи и др. К тому же веротерпимость делала жизнь относительно спокойной. Таким образом, мнения местных жителей-протестантов подкреплялись опытом — наглядно и убедительно.

Основой рационально-геометрического метода познания, согласно Декарту, является интеллектуальная интуиция, под которой понимается «...не зыбкое свидетельство чувств и не обманчивое суждение неправильно слагающего воображения, а понимание... зыбкое и внимательного ума, настолько легкое и отчетливое, что не остается совершенно никакого сомнения относительно того, что мы разумеем...» [5, с. 84]. Относительно перспектив выхода интеллектуальной интуиции за пределы геометрии правомерны, на наш взгляд, два вопроса: во-первых, имеются ли критерии, позволяющие уверенно определить, что некое мнение является несомненным; во-вторых, являются ли свойства ясности и внимательности неизменными или же они меняются в ходе истории?

По поводу первого еще раз обратимся к художественной литературе. М. А. Алданов описывает встречу Декарта с неким профессором, который прибыл к нему для важных переговоров. Декарт показал себя гостеприимным хозяином, рассказал о своих трудах в той мере, в какой этого требовало гостеприимство. Профессор в ответ рассказал о научной проблеме, решением которой он упорно занимается — об определении пола звезд (мужского или женского). «Картезий же помолчал, затем с ласковой улыбкой одобренья пожелал труду его успеха, но о своих работах боль-

ше не сказал ни слова и увел гостя в столовую» [6, с. 380]. Гость Декарта исследует вопрос, какой именно пол присущ большинству звезд, но о том, что звезды имеют половую принадлежность, у него нет никакого сомнения, его ум «ясен и внимателен», причем для его окружения это совершенно очевидно. В современных средствах массовой информации (СМИ) мы без труда обнаружим множество суждений, не уступающих приведенному здесь по своей нелепости.

Относительно второго сошлемся на Гегеля. «Характер научных занятий в древности тем отличается от научной работы нового времени, что эти занятия были, собственно, завершены развитием естественного сознания. Особо испытывая себя в каждой сфере... своего наличного бытия и философствуя обо всем происходящем, они развили себя до всеобщности, полностью приведенной в действие. В новое время, напротив, индивид застает абстрактную форму подготовленной; усилие, прилагаемое к тому, чтобы постичь ее и освоить, есть скорее непосредственное произрастание внутреннего и урезанное порождение всеобщего, нежели извлечение его из конкретного и из многообразия наличного бытия» [7, с. 17–18]. Итак, не получил человек «абстрактную форму» категорий готовой, он исторически развивал ее вместе со способностью действовать, совершенствуя язык и способность к абстрактному мышлению. Высказывание Гегеля прямо относится к философским категориям, но вполне применимо и к мышлению в целом. То, что очевидно большинству «ясных и внимательных» умов Нового времени, может быть непонятным «естественному сознанию».

Ф. Энгельс продолжает мысль Гегеля, дополняя ее темой наследственности и применяя именно к геометрии. «Современное естествознание признает наследственность приобретенных свойств и этим расширяет субъект опыта, распространяя его с индивида на род... Если, например, у нас математические аксиомы представляются каждому восьмилетнему ребенку чем-то само собой разумеющимся, не нуждающимся ни в каком опытным доказательстве, то это является результатом “накопленной наследственности”. Бушмену же или австралийскому негру вряд ли можно втолковать их посредством доказательства» [8, с. 581–582].

Мышление развивается вместе с языком. Если, например, в языке первобытного племени отсутствуют понятия «точка» и «прямая», едва ли его представители воспримут так легко, как мы сегодня, тезис, согласно которому кратчайшее расстояние между двумя точками есть отрезок прямой.

Язык, носители которого уверенно пользуются абстрактными понятиями, способны к связному изложению нетривиальных мыслей, развивается в ходе истории. Однако реалии последних десятилетий отечественной истории иной раз заставляют усомниться в том, что прогресс в области языка и мышления необратим. Во-первых, телевидение и другие «говорящие» СМИ не всегда дают слушателям образцы содержательной, безупречно правильной речи. Во-вторых, система образования проверяет знания обучающихся преимущественно в форме тестов, не требующих связной речи. Кроме того, в наши дни широко распространен упрощенный язык, порожденный компьютерным общением.

При помощи смайликов можно нечто сообщить, но мысль нетривиальная, требующая разъяснений, не может быть передана с достаточной точностью. Приведем название одной из статей, авторами которой являются ученые-педагоги: «Проблемы развития связной речи у обучающихся в условиях цифровизации образования» [9]. Несколько лет назад подобное название и адекватное ему содержание были бы, пожалуй, невозможны.

Высказанные здесь сомнения относятся прежде всего к первому правилу Декарта, т. е. к исходному пункту научного исследования — продукту «ясного и внимательного» ума. Если исходный пункт не является несомненно истинным, то и последующая дедукция, хоть бы и безупречная, может не привести к установлению истины. Именно поэтому, на наш взгляд, появляется четвертое правило, являющееся своеобразным звеном обратной связи, требующее еще и еще раз вернуться к исходному пункту и уточнить его. Если же разум, обремененный самоуверенностью, слишком твердо уверился в продукте своего мышления и утратил способность сомневаться, остается обратиться к таблицам и перечням. Геометрии они не свойственны. Таблицы и перечни фиксируют опыт, который способен уточнить наши исходные суждения, представлявшиеся нам очевидными. Таким образом, самый чистый рационализм допускает эмпирические исправления и дополнения. Декарт не отрицает значения опытных данных, он отводит им определенное место в познании.

Ключевым моментом становления научности нового типа считается смена приоритетных фигур, задающих направленность интеллектуального движения — переход от Декарта к Ньютону. Как показал А. Койре, картезианцы в принципе не принимали никаких положений, не осмысленных разумом. «Однако победоносная ньютоновская наука была занята как раз не чем иным, как установлением в качестве такого основания не осмысленных разумом сил притяжения и отталкивания. И с каким успехом!» [10, с. 208]

Для ньютоновского типа научного мышления существен отказ от образной интерпретации вводимых понятий. С точки зрения здравого смысла (непривычного к ньютоновской науке) они могут представляться совершенно несостоятельными. Вот замечание Гегеля: «Если на вопрос, почему такой-то человек идет в город, указывается как на основание, что город имеет притягательную силу, влекущую его туда, то такого рода ответ, санкционированный в науках, считается вздорным. — Лейбниц упрекал ньютонову силу притяжения в том, что она такое же скрытое качество, как те, какими пользовались для объяснения схоластики» [11, с. 87]. Не находя опоры в чувственно окрашенном разуме, научные понятия оказываются оправданными результатами их применения в математических описаниях природных процессов.

Физика рационалиста Декарта полна иллюстраций. Он не допускает ни одной формулы, которая не была бы подкреплена картинкой. Если поясняющую картинку нельзя изобразить «с натуры», он создает ее силой воображения. Таковы, например, вихри материи, частицы разной формы и др. Столкновение ньютоновской научности с декартовской характерно не только для механики. В этом плане показа-

тельно расхождение в объяснении электромагнитных явлений Эрстедом и Ампером. Эрстед наблюдает перемещение полюсов магнита под действием электрического тока. Он объясняет это явление тем, что электрический конфликт «образует вихрь вокруг проволоки. <...> Все действия, которые наблюдаются по отношению к северному полюсу... легко объясняются, если предположить, что отрицательная электрическая сила, или материя, описывает спираль слева направо и действует на северный полюс, не влияя на южный. Действия на южный полюс объясняются подобным же образом, если допустить, что положительная электрическая материя движется в противоположном направлении и обладает свойством действовать на южный полюс, не влияя на северный» [12, с. 438]. Ампер решительно возражает против объяснений, для которых привлекаются выдуманные вихри. Следует идти от фактов к формулам, которые подтверждаются опытом, «... вот путь, которым следовал Ньютон» [12, с. 10]. Может быть, это описание и не в точности соответствует ходу мысли собственно Ньютона, но явное предпочтение, отдаваемое математической точности, и пренебрежение какими-либо образными объяснениями выступают достаточно отчетливо: природа сил безразлична, понятия не нуждаются в образах.

Ньютон одержал победу над Декартом, но не полную победу. Природа силы тяготения сегодня не многим более ясна, чем во времена Ньютона. Современные студенты на вопрос о том, почему тело падает, уверенно отвечают: «потому что сила тяготения...», т. е. в духе ньютоновской научности. Но образные интерпретации установленных наукой или опытом закономерностей не исчезли полностью. Они живут в виде идеальных объектов некоторых наук, таких как идеальный газ. Идеальные объекты иной раз выглядят нелепыми, как в электронике: электрон в виде шарика и «дырка», т. е. место, которое электрон покинул. Вроде бы они смешны, но в последние десятилетия электроника достигла столь внушительных результатов, хотя бы в области компьютерной техники, что смех, пожалуй, неуместен.

Чувственные образы «атрибутивно» присущи понятию так называемого «физического смысла», который, упрощенно говоря, сводится к представлению о том, как именно нечто происходит. Пусть формула проста и точна, но ее дополнение представлением расширяет возможности применения. Не случайно оперирование физическим смыслом особенно важно и продуктивно для техники. Образы, разумеется, не присутствуют в таблицах и перечнях, но реализуют аналогичную функцию обогащения рационального чувственным, позволяющего скорректировать или даже изменить исходную аксиому.

Если Декарт дополняет умозрение опытом, то, как нетрудно увидеть, Ф. Бэкон, современник Декарта и основоположник нововременного эмпиризма, не отвергает полностью рационалистического подхода к познанию. Если, согласно Ф. Бэкону, основа познания есть опыт, то субъекту познания следует привести в порядок ум для того, чтобы, во-первых, организовать опыт, во-вторых, истолковать его должным образом. Этому мешают предрассудки, они же призраки, они же идолы [13]. Смеем утверждать, что идолы,

выделенные Ф. Бэконом, в наши дни не менее «вредоносны», чем во времена их открытия.

Итак, *идолы рода*. Род человеческий для человека — безусловный центр вселенной. Весь мир пронизан светом, исходящим от человека. Именно так мы его воспринимаем. П. Тейяр де Шарден сравнивает человечество с прогуливающимся человеком, попавшим в точку пересечения дорог. В этом случае субъективное совпадает с объективным [14]. Эгоизм родового Я очевиден, многообразен и неисчерпаем. Приведем только один пример — метафизику в одном из самых строгих и основательных ее изложений — в «Логике» Гегеля [15]. Метафизику определяют как учение о сверхчувственном, всеобщем, универсальном и др. Между тем в «Логике» встречается множество аналогий, большинство которых антропологичны: от человека к миру, но не наоборот. Соответственно, на ее страницах мы встречаем множество персонажей, напоминающих о художественной литературе: неспособных мыслить, опустившихся практиков, поэтов и политиков, не способных создать ничего разумного или дельного, политиков пивных и др. [16].

В основании *идолов пещеры* обнаруживается специфика мировоззрения индивидуального Я, для которого собственный опыт иной раз более достоверен, чем опыт человечества. Они проявляются и в великом, и в малом: от корреляции ключевых фундаментальных идей и фактов личной биографии в гуманитарных исследованиях до распространенной в наши дни критики школьных программ родителями учеников: «Зачем моей дочери химия? Мне она не пригодилась!»

Идолы рынка, площади, как и во времена Ф. Бэкона, захватывают сферу общения, от научного до бытового. Почти каждый индивид, хотя бы обычный «учащийся», наверняка встречался с вариантами заведомо усложненного изложения достаточно простых идей, их насыщения избыточной терминологией, а также украшения обыденной речи ненужными терминами. Разумеется, сохраняют актуальность трудности освоения любого иностранного языка.

Сила действия *идолов театра* существенно зависит от специфики индивидов и культуры, в которую они погружены. Увлечись спектаклем (или фильмом, книгой — различия воздействий несущественны), мы иной раз до такой степени в него вживаемся, что начинаем воспринимать его содержание как настоящую жизнь. То же самое можно ска-

зать о действии некоторых философских и научных трактатов авторитетных авторов. Во времена Ф. Бэкона и задолго до него на первом месте стоял Аристотель, идеи которого воспринимались как безусловно истинные. В наши дни он не считается безусловно непогрешимым, но приходят другие авторитеты.

Есть ли надежда на преодоление действия идолов? Полная «победа» над ними едва ли возможна, они слишком глубоко укоренены в человеческой природе. Попытаться же это сделать несомненно стоит, поскольку такая попытка позволяет избежать наиболее грубых ошибок. Она может оказаться столь же важной, как декартовское уточнение о дополнении исходной аксиомы опытными данными перечней и таблиц.

Заключение (Conclusion)

Попытку объединения эмпиризма и рационализма сделал в свое время У. Джемс, который шел от опыта, в который включил рациональную составляющую, вплоть до категорий, каждая из которых была когда-то изобретена. В результате оказалось, что «...опыт по существу является самодовлеющим и содержит в себе все необходимые различия и связи. Поэтому подлинный эмпиризм может быть обоснован самостоятельно, без обращения к аргументам рационализма» [17, с. 284].

Таким образом, синтезирующим элементом эмпиризма и рационализма являются категории, которые были когда-то «открыты». Сегодня же мы готовы к их восприятию, поскольку они живут в нашей душе в подсознательном и полусознательном виде. У. Джемс, как выясняется, солидарен с Ф. Энгельсом: способность современного человека к восприятию абстракций отличается от способностей первобытного человека. Не будем безапелляционно утверждать, что предложенный вариант синтеза обладает безусловной истинностью, но, наверное, можно с достаточным основанием считать, что синтез возможен, поскольку эвристические возможности обеих направлений гносеологии были основательно реализованы в процессе их конкуренции.

Синтез У. Джемса, возможно, не безупречен, но является ярким примером синтетической тенденции в философии и других формах мышления. Склонность к синтезу, а главное, способность его осуществить, не слишком широко развита в наши дни, но потребность в ней очевидна.

Библиографический список

1. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 250–296.
2. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 8 : Анна Каренина. М. : Худож. лит., 1981. 495 с.
3. Конан Дойль А. Белый отряд // Собр. соч. : в 8 т. М. : Правда, 1966. Т. 5. С. 5–414.
4. Хейзинга Й. Осень Средневековья. М. : Наука, 1988. 540 с.
5. Декарт Р. Правила для руководства ума // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. С. 77–153.
6. Алданов М. А. Пещера // Собр. соч. : в 6 т. М. : Правда, 1991. Т. 4. С. 5–412.
7. Гегель Г. Соч. : в 14 т. Т. 4 : Феноменология духа. М. : Изд.-во соц.-эконом. лит.-ры, 1959. 440 с.
8. Энгельс Ф. Диалектика природы. Заметки и фрагменты // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 30 т. М. : Политиздат, 1961. Т. 20. С. 500–625.
9. Проблемы развития связной речи у обучающихся в условиях цифровизации образования / О. В. Якубенко, П. И. Фролова, А. Т. Раисова, М. В. Телепова // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (42). С. 189–192.
10. Койре А. Ньютон и Декарт // Койре А. Очерки истории философской мысли. М. : Прогресс, 1985. С. 204–266.

ФИЛОСОФИЯ

11. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. М. : Мысль, 1971. Т. 2. 248 с.
12. Ампер А.-М. Электродинамика. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 492 с.
13. Бэкон Ф. Новый органон // Бэкон Ф. Новый органон; Опыт. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2021. С. 7–272.
14. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.
15. Гегель Г. В. Ф. Соч. : в 14 т. Т. 1 : Энциклопедия философских наук. Ч. 1 : Логика. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. 367 с.
16. Федяев Д. М., Федяева Н. Д. Опыт антропологического прочтения гегелевской «Логики» // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 2. С. 61–66.
17. Хилл Т. И. Современные теории познания. М. : Прогресс, 1965. 534 с.